

Цюй Дубянь последовал за наложницей Сюань во дворец Шуньнин.

Это место располагалось совсем рядом с величественным дворцом Фэнью, но здесь царил непривычное, почти сиротливое запустение. Слуг почти не было видно.

Главный зал, где жила сама наложница Сюань, выходил в сад, но цветов там не росло. Вся земля была перепахана и превращена в грядки, на которых пробивались ростки неведомых культур. По краям высились плодовые деревья, чью породу с первого взгляда было не признать.

Первым делом наложница Сюань велела слугам разжечь огонь на кухне, а затем обернулась к седьмому принцу, который семенил за ней следом, и тяжело вздохнула.

Она и сама не понимала, как так вышло. Стоило этому ребёнку вцепиться в неё, как она, поддавшись какому-то порыву, привела его к себе.

Цюй Дубянь следовал за ней по пятам, словно маленький хвостик. Он подбежал и обхватил её за ногу.

— Тётушка Сюань...

«Ну же, пусть шкала симпатии хоть немного сдвинется! Прекрасная и великодушная наложница Сюань, стань моим верным союзником, и я обещаю до конца жизни питаться правильно!»

Слова о том, что нужно немедленно известить Императора, застряли у наложницы Сюань в горле. Она подумала, что ничего страшного не случится, если седьмой принц разок у неё пообедает.

— Обед будет готов не скоро, — мягко проговорила она. — Мне нужно заняться землёй, которую только что принесли. Поиграешь пока сам?

— Хорошо! — радостно отозвался Цюй Дубянь.

Е Сююань с беспомощным видом поклонился:

— Простите за беспокойство, ваше высочество.

— Проходите и вы, — кивнула наложница Сюань слугам.

Вчетвером они вошли в зал. Наложница Сюань поставила на жаровню с углями фарфоровую

чашу и принялась порциями засыпать туда землю. Прокалив её докрасна, она пересыпала почву в деревянное ведро.

Прокаливание — лучший способ дезинфекции.

Цюй Дубянь крутился рядом, то и дело подавая ей маленькую лопатку.

Слуги молчали, наложница Сюань тоже была немногословна. Е Сяюань и Вэнь Сяочунь терялись в догадках, почему их маленькому господину так приспичило именно во дворец Шуньнин, и просто не знали, что сказать.

Заметив, что ребёнок не отрывает взгляда от земли, наложница Сюань на мгновение задумалась. Она велела служанке принести небольшую пиалу, насыпала туда уже остывшей, просеянной почвы, плеснула немного тёплой воды и протянула мальчику.

— Держи.

Цюй Дубянь осторожно придвинулся ближе:

— Тётушка Сюань, мне нужно что-то сделать?

«Если я помогу, это ведь точно добавит мне очков в её глазах?»

— Нет, — покачала она головой. — Ты так долго смотрел, но стеснялся попросить. Я всё видела. Эта земля чистая, её прокалили и просеяли. Иди, поиграй.

Цюй Дубянь на мгновение лишился дара речи.

— Поиграть... во что?

Наложница Сюань пододвинула пиалу:

— В куличики. Не стесняйся.

«...»

Под ободряющими взглядами Е Сяюаня, Вэнь Сяочуня и самой наложницы Сюань, Цюй Дубянь с предельно серьёзным лицом около двадцати минут лепил из грязи фигурки.

За это время уровень симпатии наложницы Сюань поднялся на три пункта. Цюй Дубянь

постепенно расслабился. А грязь, если подумать, была не такой уж плохой игрушкой.

Когда кухня наконец подала обед, а из Большой кухни принесли порцию пирожных «Облачная радуга», Цюй Дубянь тут же отставил пиалу с грязью и со всех ног бросился к столу.

Наложница Сюань велела Е Сяюаню вымыть мальчику руки.

— В Шуньнине, кроме меня, живёт ещё прислужница Го. Её дочь, принцесса, официально числится за мной, но на деле мать сама о ней заботится. Так что я не совсем представляю, что любят дети. Если что-то понравится — только скажи.

Цюй Дубянь засучил рукава и вооружился деревянной ложкой:

— Я совсем не привередлив. Меня очень легко растить!

Наложница Сюань окинула его оценивающим взглядом. Она хоть и не воспитывала детей сама, но видела, как это делают другие. Она примерно представляла, как должен выглядеть ребёнок в два с половиной года, но седьмой принц казался куда более хрупким и маленьким, чем принцесса из заднего павильона в том же возрасте.

Его слова прозвучали не слишком убедительно.

Впрочем, она промолчала, лишь знаком велев служанкам подкладывать ему побольше овощей.

Когда атмосфера окончательно потеплела, Цюй Дубянь решился заговорить:

— Сегодня столько тётушек пытались меня поймать.

— М-м? — наложница Сюань приподняла бровь.

Вскоре до неё дошло. Служанки уже нашептали ей, что седьмому принцу ищут приёмную мать. В такой момент ребёнок и впрямь стал лакомым кусочком.

— Значит, ты сбежал ко мне, чтобы спрятаться от них?

— Чтобы спрятаться от Его Величества. Если он узнает, что случилось в Императорском саду, он меня выпорет.

Мальчик рассуждал как маленький взрослый, забавно хмуря брови. Наложница Сюань не сдержала смешка:

— С чего бы Императору бить принца без причины? Ты ещё мал, за обычные шалости он не разгневаётся. Но... я давно хотела спросить. Почему ты зовёшь его «Его Величество»?

Цюй Дубянь принял глубокомысленный вид:

— Ещё не время звать его отцом.

«Козырь "папа" нужно приберечь для решающего удара».

— И когда же это время настанет?

Цюй Дубянь прикинул в уме:

— Думаю, скоро.

Как раз в этот момент в зал вбежал слуга, запыхавшийся и встревоженный:

— Ваше высочество, Его Величество прибыл!

Наложница Сюань нахмурилась и отложила палочки, даже не пытаясь скрыть досаду:

— И надо же ему было явиться именно сейчас. Совсем время выбирать не умеет.

Цюй Дубянь замер.

«?»

Хотя он и не помнил такой династии, как Чжоу, в своей прошлой жизни, он точно знал: обычные наложницы не смеют так отзываться об Императоре.

Спрятав сомнения поглубже, он сполз со стула и юркнул за спину наложницы Сюань, вцепившись в её юбку.

Император Чунчжао ворвался во двор размашистым шагом. Евнух Юй, вытирая пот со лба, отчаянно подавал знаки Е Сяюаню и Вэнь Сяочуню.

Наложница Сюань присела в поклоне:

— Приветствую Его Величество.

Цюй Дубянь осторожно высунул голову из-за её подола и выдавил самую невинную, застенчивую улыбку, на которую был способен:

— Приветствую Его Величество.

Лицо Чунчжао было чернее грозовой тучи. Он внезапно выхватил откуда-то бамбуковую линейку.

— Ещё и прячешься! А ну, выходи немедленно! — он стремительно направился к сыну.

Цюй Дубянь сорвался с места. Они принялись нарезать круги по двору.

— Это шестой брат всё разболтал! — кричал мальчик на бегу. — Я только ему по секрету сказал! Почему Его Величество не идёт пороть шестого брата?

— Если бы ты не болтал лишнего, Малыш Лю бы ничего не узнал!

Чунчжао был вне себя от ярости. За один полдень добрая половина дворца узнала, что ему, великому Императору Чжоу, наложницы дружно прислали укрепляющие снадобья. Это же прямое указание на его мужскую слабость! А уж позорная история с «свистом»...

Хуже всего было то, что он не мог даже опровергнуть слухи. Как? Снова объявить на весь дворец, что у него нет проблем со здоровьем и он прекрасно справляется без всяких свистков?

Это было бы всё равно что признать вину!

Сделав пару кругов, Чунчжао резким движением перехватил юркого сына. Он подхватил его за шиворот плотной одежды и вскинул в воздух. Линейка уже взметнулась для удара, но Цюй Дубянь мгновенно подался вперёд, мёртвой хваткой вцепился отцу в шею и обхватил его ногами за пояс, завывая так, будто с него живьём сдирали кожу:

— Убивают! Его Величество убивает!

Чунчжао едва не задохнулся от такой хватки.

— А ну отпусти!

Ему пришлось подхватить сорванца под ноги — если тот свалится в такой возне, точно кости переломает.

У евнуха Юя глаза едва не вылезли из орбит.

«Видит небо, я, Юй Дэцай, за столько лет службы при Его Величестве всякого навидался, но такого — никогда».

Оглядевшись, он с удовлетворением отметил, что остальные слуги во дворце Шуньнин пребывают в ещё большем шоке: кто рот разинул, кто глаза прикрыл. На их фоне он выглядел образцом спокойствия.

Ярость Чунчжао росла, но вдруг он услышал кашель. Мальчишка, кажется, наглотался холодного воздуха во время беготни. Дыхание его было прерывистым и тяжёлым.

Император внезапно вспомнил: Сяо Ци хоть и поправился быстро, но лекари предупреждали — болезнь может вернуться в любой момент.

Рука с линейкой дрогнула. Если он снова заболит, мучиться придётся не только сыну, но и ему самому.

«Может, ударить разок для острастки?»

Линейка снова поднялась!

И тут малец, уткнувшись ему в плечо, жалобно всхлипнул:

— Папа... больно!

...Удар так и не последовал.

— Я тебя ещё даже не тронул! — прорычал Чунчжао.

Цюй Дубянь шмыгнул носом:

— Я правда не нарочно.

— Когда пахнет поркой, сразу вспомнил, что я «папа»... И вообще, я твой отец-император, зови меня как подобает!

— О, — отозвался Цюй Дубянь. — Его Величество.

Чунчжао замолчал.

И бить нельзя, и не бить — обидно. Положение спас евнух Юй, который ловко изъясил линейку

из рук господина, давая тому возможность сохранить лицо:

— Ваше Величество, маленький принц только оправился от болезни, он не со зла. Он всё осознал.

Е Сяююань закивал как заведённый:

— Истинная правда, Ваше Величество.

Он подал знак Вэнь Сяочуню, и тот мгновенно забрал линейку у Юя, спрятав её за спину.

— А ну, слезай с меня!

— Не-а.

Мальчик крепче обхватил его за шею и прошептал на ухо:

— Я всё знаю. Ты заботился обо мне ночью. Ты ко мне... ну, на капельку лучше, чем я думал!

Он показал кончиком большого пальца на первую фалангу указательного — крошечную, едва заметную «капельку».

Так вот почему этот ребёнок вдруг стал к нему так ластиться? Чунчжао покосился на его пальцы:

— Всего-то? Я две ночи глаз не смыкал.

«Две ночи — это лишь малая часть долга, старый ты пень». Цюй Дубянь снова уткнулся ему в шею, буквально повиснув на отце, и выдал обезоруживающе искреннюю детскую тираду:

— Ты ко мне добр, и я к тебе буду добр. Я ещё маленький, но я вырасту. И моя доброта к тебе тоже вырастет.

«...»

Чунчжао поудобнее перехватил его за попу и с напускной строгостью произнёс:

— «Ты» да «я»... Совсем страх потерял. Возвращаемся во дворец Цзычэнь.

Он коротко кивнул наложнице Сюань — не как подданной, а скорее как старому другу, перед которым чувствовал вину.

— Провожая Его Величество, — отозвалась та.

«Так вот когда нужно называть его "папой"».

Процессия покинула дворец Шуньнин. Евнух Юй порывался забрать принца, но Чунчжао не отдал его, пронеся на руках добрую половину пути, прежде чем передать Е Сяюаню.

Дворец Шуньнин

Шум и суета ушли вместе с седьмым принцем.

Тишина вернулась мгновенно, и к ней было трудно привыкнуть.

Наложница Сюань стояла на месте, глядя на свою ладонь, где всё ещё ощущалось тепло маленькой ручонки.

Из заднего павильона, прижимая к себе гладкий деревянный чурбак, любопытно выглянула пятилетняя принцесса Чжии. В императорском роду Чжоу принцы и принцессы считались отдельно, так что, несмотря на возраст, она была Первой принцессой.

— Тётушка Сюань, это был отец-император?

Наложница Сюань очнулась:

— Да, он и твой седьмой брат. Чжии, мы тебя разбудили?

Девочка подняла чурбак:

— Топор в павильоне сломался. Матушка сейчас занимается резьбой, ей нужна помощь.

Наложница Сюань взяла дерево, обхватила его обеими руками и с резким хрустом разломала пополам чурбак толщиной в ногу.

Чжии, привыкшая к подобному, радостно улыбнулась:

— Спасибо, тётушка! Мы сейчас обедаем, пойдёте с нами?

— Да, пойдём. Твоей матери наверняка ещё понадобится моя сила. Завтра не забудь послать кого-нибудь за новым топором.

— Обязательно!

Дворец Цзычэнь

Западный тёплый павильон

— И зачем его понесло в Шуньнин?

Вернув Цюй Дубяня, Чунчжао решил перед сном разобрать накопившиеся доклады.

Он никак не мог взять в толк:

— Я знаю наложницу Сюань. Она только и делает, что копается в огороде да дрова колет. Меня видеть не желает, из дворца носа не кажет. Как они вообще могли встретиться?

— Чистая случайность, Ваше Величество. Другие наложницы в саду буквально наступали на пятки.

— Я прекрасно знаю, что у них на уме. Ещё и выбирать не начали, а они уже глотки друг другу рвут. Думают, мой сын — это кусок мяса, который можно поделить?

Чунчжао был раздосадован. Если об этом поползут слухи, это будет выглядеть крайне недостойно. Как такие женщины могут воспитывать наследника?

— Вообще-то, наложница Сюань тоже могла бы... — начал было евнух Юй.

— Нет, — отрезал Император. — Ты же видел, Сяо Ци упрям и своенравен. Если он разозлит Сюань, она его просто прибьёт. К тому же... она вряд ли хочет видеть моё лицо.

Он вздохнул:

— Те, кто был сегодня в саду, не подходят. Все до единой.

— Но тогда почти никого не остаётся. Может... позволить маленькому принцу выбрать самому? В конце концов, это ему с ней жить.

Чунчжао потёр лоб:

— Тут нужно учитывать и баланс сил при дворе, и характер наложницы, и желания самого Сяо Ци... Этот ребёнок точно пришёл в мою жизнь, чтобы взыскать старые долги.

— Вы — государь и отец, — философски заметил Юй. — Заботы о детях — ваша доля.

— Если ничего не придумаем, пусть выбирает сам.

Спальня

Цюй Дубянь, не наевшись в Шуньнине, добирал своё уже в Цзычэне.

Сейчас он вольготно раскинулся на императорском ложе. Сегодня в спальне курились новые благовония — с тонким, едва уловимым ароматом сосновой хвои.

— Сяочунь, отец ведь собирается выбрать мне новую маму?

В спальне они были одни. Вэнь Сяочунь тихо спросил:

— Откуда вы знаете, ваше высочество?

— Случайно подслушал.

На самом деле — догадался.

Чем больше «инвестиций» вложит в него император-отец, тем ценнее он будет, но вечно жить в Цзычэне он не сможет. Это вызовет недовольство и при дворе, и в гареме. А после сегодняшней охоты в саду всё стало очевидно.

— И вы хотите... новую маму? — осторожно поинтересовался Вэнь Сяочунь.

Цюй Дубянь задумался.

«Не знаю. Каково это — когда у тебя есть мама?»

Ему казалось, что он с рождения лишён этой связи. Ни в прошлой жизни, ни в этой. Он просто не знал, что это за чувство — быть любимым матерью.

У Вэнь Сяочуня мать была. Но она сама продала его за гроши.

Иногда самые близкие ранят сильнее всего.

Но он не мог сказать этого принцу.

— Возможно, скоро вы это узнаете, — лишь ответил он.

Чунчжао, стоявший за дверью, подождал, пока голоса стихнут, и вошёл. Умывшись, он лёг на кровать и спросил:

— Ну что, приглянулась тебе сегодня какая-нибудь тётушка в саду?

Цюй Дубянь перевернулся на живот и подпёр голову руками:

— От них пахнет не так вкусно, как от твоих благовоний.

Чунчжао хмыкнул:

— А ты знаешь толк в вещах. Завтра начинаются занятия в школе. Ты поправился быстро, но лучше повременить пару дней. Хочешь пойти?

— Ходить пешком слишком утомительно.

— Тебе и не придётся. Слуги будут носить на руках.

— Они тоже устают.

— Значит, не хочешь?

— Папа, а у тебя есть собачки?

«...»

Тема сменилась так внезапно, что Чунчжао на миг замер. Он прикинул «вес» этого обращения. Когда тот звал его «папой» во дворе — это был страх перед поркой. А сейчас? Очередная просьба?

— Есть, — осторожно ответил он. — Если хочешь, выбери себе самую смирную и расти. Зачем она тебе?

Цюй Дубянь загадочно улыбнулся:

— Секрет.

Чунчжао покосился на него:

— В школу можешь пока не ходить. Но через семь дней — годовщина посмертного награждения твоей матери. К тебе придут шить церемониальное платье.

Хотя Чунчжао и упростил многие ритуалы прошлого, посмертное возведение наложницы в ранг императрицы оставалось делом государственной важности. Личный состав Министерства ритуалов и Ведомства императорских жертвоприношений уже всю работал. В день церемонии в зале Фэндэ должны были зажечь девять священных ламп под торжественную музыку.

Цюй Дубянь, как сын наложницы Юнь, обязан был присутствовать, несмотря на малый возраст.

Мальчик почувствовал, что за этим кроется нечто важное. Он ткнул Чунчжао кулачком в плечо:

— Расскажи подробнее.

Чунчжао закрыл глаза:

— А это мой секрет.

«...»

«Тьфу! Старый пень!»